

**ПРОБЛЕМАТИКА СВОБОДЫ, ПАТРИОТИЗМА И ВЕРЫ
В ПОЭМЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «МЦЫРИ»**

После выхода в свет поэмы «Мцыри» первое веское слово о ней произнес Белинский. Он переживал очередной этап своей духовной биографии, который проходил под знаком Гегеля. В это время (рубеж 1830 – 40-х гг.) земные реалии для русского критика были несколько потеснены отвлеченными идеями. Параллельно у М.Ю. Лермонтова творческая эволюция шла в направлении «с небес на землю»: от романтизма он делает решительные шаги к реализму. Великий критик считал Мцыри психологическим двойником автора одноименной поэмы. Эта идея настолько захватила Белинского, что он не придал большого значения враждебности Мцыри к монастырю и его обитателям. С позиции романтических представлений здесь все было вполне прозрачно: свободолюбивый человек не может быть благодарен тем, кто стесняет его свободу. Однако Лермонтов чтит и конкретно-исторические реалии. В них также таилась суть.

Глубоко проанализировали поэму советские исследователи. Правда, они, придерживаясь интернационалистских и атеистических установок,

старались трактовать это произведение так, чтобы не задеть опасную проблему национальных и конфессиональных различий, которые официальная идеология была склонна относить к разряду «пережитков прошлого». В итоге сформировалась концепция, согласно которой в поэме говорится о чем угодно, только не о противоречии между мусульманским и христианским мирами, несмотря на то, что при игнорировании этого противоречия многое в поэме «Мцыри» остается неясным.

Между тем М.Ю. Лермонтов сосредоточился не только на романтическом побеге юноши из монастыря, но и на конкретно-исторической проблематике. Она была препарирована поэтом в социоцентрическом ключе, что предопределило выбор персонажей, формирование сюжетной основы, стиля и других художественных средств.

Центральная идея поэмы вытекает из ответа на вопрос о причине побега Мцыри. Привычная и правомерная интерпретация — жажда свободы. Но Мцыри бежал не просто ради того, чтобы вырваться из монастыря, а на родину. Ведь он не грузин и живет на чужбине. Кстати, слово «Мцыри» переводится с грузинского не только как «послушник» (монах, которому не разрешено осуществлять церковную службу), но и как «пришелец», «чужеземец». Неслучайны в тексте поэмы такие фразы, относящиеся к главному герою: «Стал понимать чужой язык, // Был окрещен святым отцом...» [1, с. 471], «Смотрел, вздыхая, на восток...» [1, с. 471]. Не случайны и его горестные думы об отце, земляках и родном ауле.

Монастырь, в котором приютили Мцыри, находился «Там, где, сливаясь, шумят, // Обнявшись, будто две сестры, // Струи Арагвы и Куры...» [1, с. 468]. Несомненно, здесь речь идет о знаменитой Мцхете. Этот город стоит на Военно-Грузинской дороге, по которой и вез пленного мальчика русский генерал. На восток от этих мест, куда, вздыхая, смотрел Мцыри, находится территория современного Дагестана, чуть севернее по Большому Кавказскому хребту — нынешняя Чечня.

Стремление юноши к свободе, его память о близком, хотя недоступном отечестве понятны. Вместе с тем исповедь героя проникнута еще и духом недовольства, раздражения, гнева, протеста. Так много и так безжалостно говорит он о своем монастырском существовании, зачеркивая и то хорошее, что было (не могло не быть) у него за годы, проведенные на чужбине. Откуда в нем почти нечеловеческая сила отрицания? Для ответа на этот вопрос необходимо определить, против чего выступает Мцыри. Понятно, что против неволи. Но не только.

Да, свобода. Да, родина. Однако важнейшая причина побега Мцыри — принадлежность к иной вере. Рожденный в мусульманской семье, он в шестилетнем возрасте был крещен чужаками. Вряд ли юноша много знал о своей исконной вере. Зато решительно отверг чужую, и это знаковый жест.

Лермонтов пишет о Мцыри и одновременно помнит о горцах, для которых «христианство» и «рабство» были синонимами. Поэтому бунт его героя во многом носит антихристианский характер. Юноша убегает как раз

в тот момент, когда его собирались посвящать в монахи, что означало бы дальнейшее укоренение в чужой вере. Любопытно, что ранняя редакция поэмы носила название «Бэри» (по-грузински «монах»). Но превращать своего героя в монаха автор не захотел: это принципиально изменило бы мотивацию побега.

Мцыри не воспитал в своей душе христианского смирения, несмотря на то, что вырос в монастыре. Эпитет «гордый» точно передает суть характера героя. Он жил двойной жизнью, о чем с вызовом признался лишь в предсмертной исповеди. А на предыдущих исповедях молчал об этом.

Охваченный порывом к свободе, герой готов отринуть собственную жизнь, которая в христианстве считается божьим даром. С упреком говорит он исповедующему его чернецу: «Старик! Я слышал много раз, // Что ты меня от смерти спас — // Зачем?..» [1, с. 472].

С точки зрения Мцыри, его монастырская жизнь — плен и не имеет высокой цены. «Таких две жизни за одну, // Но только полную тревог, // Я променял бы, если б мог» [1, с. 471 — 472], — утверждает он. Немаловажно также, что обещанные праведным христианам рай и вечность герой согласен променять на несколько минут пребывания в родном ауле (в первом издании поэмы строки об этом не пропустила цензура, восставшая против кощунства).

Бунтарь высокомерно подчеркивает свое превосходство над монастырской братней. Вспоминая о начальном моменте побега, он восклицает:

И в час ночной, ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда, столпясь при алтаре,
Вы ниц лежали на земле,
Я убежал. О, я как брат
Обняться с бурей был бы рад! [1, с. 475].

Гроза для монахов — знак гнева божьего. А для юного горца она — стихия, которая сродни его неукротимому мятежному нраву. Христианская богобоязненность в его глазах выглядит непростительной слабостью.

По-иному, нежели остальные обитатели монастыря, слушает Мцыри удары церковного колокола. То, что монахи воспринимают как чистый, небесный звук, для него превращается чуть ли не в напоминание о скорой гибели: «Казалось, звон тот выходил // Из сердца — будто кто-нибудь // Железом ударял мне в грудь...» [1, с. 484]. Это сравнение приходит в голову герою в то мгновение, когда он убедился, что побег не удался и что колокол как бы зовет его обратно, в заточение, равносильное смерти. Не менее существенно, что Лермонтов в деталях показал, как неприятен, даже мучителен, колокольный звон для человека, враждебно воспринимающего христианскую веру.

Умирая, Мцыри не хочет проигрывать. И завещает похоронить себя в монастырском саду, отдельно от христианских могил, чтобы само его последнее пристанище олицетворяло стремление достичь родины: «Оттуда виден и Кавказ!» [1, с. 489]. Готовность героя к смирению («И никого не

прокляну!» [1, с. 489]) мнима, потому что поставлена им в зависимость от исполнения этой последней воли. Он умирает непокорным. Вскоре и в монастыре угасает жизнь, словно в осуществление посмертной мести Мцыри.

Для Мцыри пребывание в монастыре означало непреодолимое препятствие на пути к родине и свободе. Отсюда — отторжение героем христианских ценностей. Однако Лермонтов включил эту коллизию в более широкий контекст, запечатлев особенности менталитета горцев-мусульман. О том же он писал и в романе «Герой нашего времени» (главы «Бэла» и «Максим Максимыч»). Гордость, неуступчивость, коварство, безрассудная отвага, чувство превосходства над чужаками, крепкие родовые связи — качества, присущие не одному лишь Мцыри, конечно.

В поэме Лермонтов не высказался напрямую об актуальной для России проблеме замирения горцев-мусульман, хотя и не обошел ее стороной. Используя романтическую условность, Михаил Юрьевич провел своеобразный умозрительный эксперимент, условия которого были максимально льготными с точки зрения российских интересов на Кавказе. Не целый народ, а один человек, притом ребенок, из года в год подвергается жесткой христианизации. В монастыре он живет среди грузин — тоже кавказцев, но и тем не удается приручить его. Что тогда говорить о русских и о шансах России диктовать свою волю воинственным племенам, сражающимся с неверными под знаменем ислама? Покровительство русских штыков было «божьей благодатью» для христианской Грузии. Мусульмане-кавказцы в нем не нуждались.

Безусловно, поэма создавалась не ради определения политических перспектив России на Кавказе. Однако важно подчеркнуть многоаспектность проблематики произведения, а также умение Лермонтова переплавлять прозу жизни в высокую поэзию.

Создавая романтическое произведение с реалистической подоплекой, Михаил Юрьевич дает волю пламенным чувствам и пылкому воображению. Поэма выигрывает в поэтических красотах, хотя при этом концептуально не является совершенной. В ней изящный вымысел и приверженность к фатальности торжествуют над поиском истины.

Нет ничего запрограммированного в разрешении конфликта между христианской и мусульманской цивилизациями. Тем не менее, последовательный поборник эмоциональной стихии, Лермонтов воспевает непокорный дух сыновей Аллаха. За счет романтических недомолвок и сглаживания противоречий поэту удается обойти многие болезненные проблемы. Огласи их автор «Мцыри» — в совсем ином свете предстали бы и горцы-мусульмане, и грузинские монахи, и русский генерал. «Чудный мир тревог и битв» [1, с. 472] засверкал бы иными красками, например, примитивной кровожадностью, и благородство бунта главного героя поблекло бы на глазах.

Игнорирование реальных противоречий предопределило эмоциональный тон поэмы. У Лермонтова получилась светлая трагедия с огромным множеством локальных достоинств, которые говорят об изобрази-

тельной силе его таланта. О самых тягостных и страшных тайнах бытия автор поэмы умеет сказать так, словно хочет оправдать изречение Шиллера о красоте, которая спасет мир. И действительно: лермонтовское восхищение кипением жизни, напористое, мощное изящество, которое является основой стиля поэта, уравнивают трагизм судьбы главного героя и, шире, трагизм человеческой судьбы вообще. Величествен взгляд Лермонтова из вселенской бездны на грешную землю, удивительна его способность без суетных эмоций смотреть в глаза всеобщей участи.

Настройке на эту волну способствует самое начало поэмы. Прежде чем мы узнаем трагическую историю юного послушника, автор сообщает, что монастырь, откуда пытался бежать Мцыри, уже опустел. Темница не намного пережила своего узника. Это событие придает иной масштаб короткой жизни героя. Его порыв вписан в молчаливое торжество вечности, перед ликом которой равны и отдельные людские судьбы, и монастыри.

Создавая поэму, Лермонтов не жалеет экзотических красок. Он живописует снежные вершины Кавказа, густые, непролазные кустарники на склонах, бурлящие горные реки. Глазами гения увидены дымчатая шерсть барса, переливающаяся в сиянии лунного света, точеная фигурка молодой грузинки с кувшином, золотая рыбка, говорящая человеческим голосом. Великолепно и описание природной стихии: ливень, гроза, буря, ночная прохлада, полуденный зной...

Все это и многое другое — только часть творческих возможностей, которыми обладает поэт. Другая их часть реализуется в непревзойденном по страстности и глубине сопереживания проникновении в сумбурный внутренний мир главного героя. Тут свои вершины: гимн могуществу человеческой души и неистребимой жажде идеала, стремление к свободе вопреки инстинкту самосохранения, торжество всепобеждающих чувств над доводами рассудка.

Так создаются хорошие произведения. В них даже страдание и смерть поглощены водоворотом вечности, растворены в ликующей стихии жизни. Их отличительным признаком является страстное авторское желание добиться превосходства красоты над мыслью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лермонтов М. Ю. Полн. собр. стихотворений: в 2 т. — Т. 2. — Л., 1989.